

КАНТ И КУТЮРА О РАЗЛИЧИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ И СИНТЕТИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ

Одной из центральных проблем современной теории познания является проблема выявления структуры научного знания. В свою очередь, решение этой проблемы существенно опирается на традиционное различие аналитических и синтетических суждений, восходящее к Канту. В этой связи, на наш взгляд, представляется необходимым проанализировать подход Канта и Кютюра к различению аналитических и синтетических суждений, с тем, чтобы учесть все позитивные моменты этих подходов в современных гносеологических исследованиях.

Свои философские исследования Кант начинает с отыскания исходных принципов конституирования теоретического научного знания. Отправным пунктом своего исследования Кант выбирает анализ суждений, выраженных в языке, в которых, как в простейших (элементарных) кирпичиках знания, репрезентируются необходимые и достаточные признаки научного знания. Согласно Канту, признаками научных суждений, то есть суждений, выступающих в качестве основоположений той или иной науки, являются их свойства всеобщности и необходимости в сочетании со свойством «пояснять» либо «расширять» познание. Достижению цели отбора суждений с указанными свойствами служит у Канта предпринятая им логико-гносеологическая классификация суждений.

Опишем более подробно процедуру кантовской классификации суждений, и проанализируем мотивы ее принятия в аспекте разрешения вышепоставленных проблем. В кантовской классификации можно различать гносеологическую и собственно логическую части. В соответствии с логической и гносеологической частями классификации правомерно будет также различать гносеологические и собственно логические основания классификации и симметричные им гносеологические и собственно логические определения суждений, представленные в данной классификации Канта.

В самом общем виде кантовскую классификацию суждений можно представить наглядно в виде следующей схемы.

Как видно из схемы, исходное деление суждений осуществляется по двум различным гносеологическим основаниям:

1. По источнику возникновения суждений.
2. По виду познания, объективируемого в суждения.

Применение первого основания делит исходный класс суждений на два взаимно непересекающихся класса априорных и эмпирических суждений, а второго — на классы поясняющих и расширяющих (познание) суждений. Далее, применением логического основания классификации: 1. Отношение между объектом (S) и предикатом (P); 2. Вид достоверности суждения — все суждения делятся, с одной стороны, на аналитические и синтетические, а с другой — на необходимые и случайные. И, наконец, синтетические суждения по источнику возникновения синтетичности делятся на суждения синтетические а priori и а posteriori; необходимые, по способу обоснования необходимости, на логически необходимые и гносеологически необходимые.

С целью объяснения особенностей кантовской классификации рассмотрим содержательные определения различного вида суждений, выделяемых данной классификацией.

Под априорными суждениями Кант понимает суждения, которые проистекают из чистого рассудка и разума и обладают строгой всеобщностью и необходимостью¹. Напротив, под эмпирическими (апостериорными) суждениями он понимает суждения, возникающие

¹ См.: Кант И. Соч., т. 4(1), с. 81, 106—107.

в опыте и не обладающие строгой всеобщностью и необходимостью, так как «опыт никогда не дает своим суждениям истинной или строгой всеобщности, а сообщает им только условную и сравнительную всеобщность (посредством индукции), так что это означает следующее: насколько нам известно, исключений из этого или иного правила не встречается»¹. Отсюда становится ясным, почему у Канта граница между априорными и эмпирическими суждениями совпадает с границей между необходимыми и случайными суждениями.

Аналогичное соотношение имеет место между границами аналитических, синтетических, поясняющих и расширяющих суждений. Действительно, аналитическими суждениями Кант называет суждения, в которых утвердительные формы «Все А есть В», где «предикат В принадлежит субъекту А как нечто содержащееся (в скрытом виде) в понятии А» и в которых, вследствие этого, «связь предиката с субъектом мыслится через тождество»². И наоборот, синтетические суждения определяются Кантом негативно (дуально) по отношению к аналитическим суждениям. В качестве примера аналитического суждения Кант приводит утверждение «Все тела протяженны». Согласно Канту, предикат «быть протяженным» содержится в понятии субъекта «тело» в качестве признака его содержания так, что высказывая суждение «Все тела протяженны», мы извлекаем признак «быть протяженным» из содержания понятия «тело» и присоединяем его в качестве предиката к данному субъекту на основании закона тождества. Напротив, в синтетическом суждении «Некоторые тела имеют тяжесть» предикат «тяжесть» не содержится в содержании понятия «тело» и, следовательно, присоединяется к субъекту «тело» в данном суждении внешним образом.

Если теперь рассматривать приведенные примеры аналитического и синтетического суждения с точки зрения их информативности и познавательного значения, то оказывается, что в аналитическом суждении предсказуемый признак объективирует информацию, уже заложенную в понятии выражаемом субъектом суждения. Поэтому Кант называет аналитические суждения поясняющими суждениями. Поинному обстоит дело с синтетическими суждениями. В них предсказуемый признак несет в себе информацию, не содержащуюся в понятии субъекта и, следовательно, расширяет наше познание. Поэтому Кант называет их расширяющими суждениями. Очевидно, что классы аналитических и синтетических суждений совпадают с классами поясняющих и расширяющих суждений. Здесь следует заметить, что хотя определения аналитических и синтетических и соответственно поясняющих и расширяющих суждений выделяют одни и те же классы суждений, однако они фиксируют различные свойства и отношения между

¹ Кант И. Соч., т. 3, с. 107.

² Там же, с. 111.

структурными компонентами суждения. Так, определения аналитических и синтетических суждений фиксируют отношение между содержанием понятий, выражаемых субъектом и предикатом суждения.

Известно, что отношение между содержанием понятий составляет часть проблематики традиционной логики, следовательно, определения аналитических и синтетических суждений фиксируют логические отношения между субъектом и предикатом суждения, то есть являются логическими определениями. Напротив, определения поясняющих и расширяющих суждений фиксируют отношения «пояснения или расширения познания», составляющие, как известно, часть предмета гносеологии; следовательно, последние являются гносеологическими определениями. Так как современная Канту логика имела наиболее высокий уровень развития среди других философских наук (более того, Кант считал ее даже завершенной наукой), то естественно рассматривать определения аналитических и синтетических суждений в кантовской классификации в качестве логических экспликатов определений поясняющих и расширяющих суждений.

Наряду с приведенными определениями, Кант дает также и другие логические определения аналитического и синтетического суждения: аналитическое суждение есть суждение, которое основывается на законе противоречия. Это определение Кант сопровождает следующим пояснением: «так как предикат утвердительного аналитического суждения уже заранее мыслится в понятии субъекта, то нельзя относительно его отрицать, не впадая в противоречие; точно так же противоположное этому предикату необходимо отрицается относительно субъекта в аналитическом, но отрицательном суждении, и притом также согласно закону противоречия»¹.

Нетрудно заметить, что кантовская трактовка аналитических суждений в существенных чертах совпадает с лейбницевской, а именно: 1) как для Канта, так и для Лейбница характерно понимание аналитических суждений как суждений, предикат которых содержится в понятии субъекта; 2) как суждений, основанных на законе тождества или противоречия. Принципиальное же расхождение между Лейбницем и Кантом имеет место в трактовке суждений, выражающих фактические истины, положившие начало двум линиям в развитии проблемы аналитического и синтетического. Согласно Лейбницу, фактические истины бесконечно аналитичны и однородны. Напротив, для Канта фактические истины — суть синтетические суждения и не являются однородными.

Как мы уже отметили выше, по способу возникновения синтетичности синтетические суждения разбиваются на два взаимно не пересекающиеся подкласса синтетических суждений а priori и синтетических суждений а posteriori. Выделение подкласса синтетических суждений а priori играет основополагающую роль в кантовской

¹ Кант И. Соч., т. 4(1), с. 81.

гносеологической программе обоснования всех существующих и возможных наук. С точки зрения Канта, любое познание возможно как научное познание тогда и только тогда, когда выполняется условие всеобщности и необходимости для предложений, лежащих в его основе. С другой стороны, математику и остальные естественные науки Кант рассматривал как расширяющие познание. А так как всеобщность и необходимость исходным основоположениям этих наук могло придать лишь их априористическое истолкование¹, а способность расширять данные науки — их синтетическое истолкование, то Кант и допускает класс синтетических суждений а priori, лежащих в основе указанных наук. Очевидно, определения синтетических суждений а priori и а posteriori являются гносеологическими.

На наш взгляд, для кантовских синтетических суждений а priori, характерна следующая особенность: Кант снабжает их необходимостью особого рода, гносеологической необходимостью, в отличие от аналитических суждений, для которых атрибутивна логическая необходимость (см. схему). Действительно, проанализируем кантовское обоснование необходимости аналитических и синтетических суждений. В аналитических суждениях предикат внутренне принадлежит понятию субъекта в качестве одного из признаков его содержания, следовательно, его приписывание субъекту в суждении обеспечивается процедурой итерации, основанной на законе тождества. По-другому говоря, приписывание предиката субъекту в аналитическом суждении опирается на логический закон и, следовательно, приписывается с логической необходимостью. Напротив, в синтетических суждениях предикат суждения не содержится в понятии субъекта в качестве одного из признаков его содержания и, следовательно, необходимость его приписывания субъекту в суждении не может быть обоснована вышеуказанным способом. Поэтому Кант для обоснования необходимости синтетических суждений выходит за рамки анализа субъектно-предикатных отношений в суждении и развивает вспомогательные гносеологические концепции.

Так, необходимость математических утверждений обеспечивается, по Канту, гносеологическим постулированием существования чистых априорных форм чувственности — пространства и времени, в которых протекает созерцание математических объектов. Согласно Канту, математическое познание является интуитивным, в отличие от философского, которое является дискурсивным. Иначе говоря, это означает, что философское познание осуществляется посредством дедукции из понятий, в то время как математическое познание есть «познание посредством конструирования понятий»². В свою очередь, конструировать понятие — значит «показать а priori соответствующее ему

¹ При метафизическом, ошибочном понимании опыта, имевшем место у Канта.

² Кант И. Соч., т. 3, с. 600.

созерцание»¹. Именно чистое созерцание приписывает с необходимостью новый предикат субъекту, так что получаемое «синтетическое суждение достоверно и аподиктично, а *prigigi*»². При этом конструирование арифметических суждений существенно опирается на временную форму чувственности, а геометрических — на пространственную форму чувственности.

В качестве примера арифметического синтетического суждения Кант рассматривает утверждение « $7 + 5 = 12$ ». Согласно Канту, понятие «двенадцать» не содержится в понятии «сумма 7 и 5». Для того, чтобы необходимым образом соединить его с понятием «сумма 7 и 5», нужно прибегнуть к помощи созерцания, например, пяти пальцев руки и последовательно, то есть во времени, прибавить их к понятию «семь». Аналогично обстоит дело с геометрическим утверждением «Прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками» — с той лишь разницей, что при этом необходимо прибегнуть к пространственному созерцанию.

Вопрос о достижимости аподиктичности (необходимости) синтетических суждений, лежащих в основе чистого естествознания, также решается Кантом положительно, хотя и другими гносеологическими средствами. Прежде всего Кант разбивает класс апостериорных (эмпирических) суждений на два подкласса. Первый подкласс составляют суждения опыта, второй — суждения восприятия. Суждения восприятия связывают случайным образом отдельные восприятия в сознании некоторого конкретного субъекта, в силу чего они характеризуются субъективной значимостью и, следовательно, не могут лежать в основании естественных наук. Для того чтобы выполнить эту функцию, они должны быть превращены в суждения опыта. Это превращение происходит благодаря подведению их под чистые категории рассудка, каковыми являются понятия меры, величины, причины и так далее. В результате такого подведения они становятся объективно значимыми, необходимыми, так как опираются на чистые рассудочные понятия, являющиеся априорными основоположениями возможного опыта. Данный анализ Кант подытоживает таким выводом: «Дело чувств — созерцать, дело рассудка — мыслить. Мыслить же — значит соединять представления в сознании. Это соединение происходит или только относительно субъекта, тогда оно случайно и субъективно; или же оно безусловно происходит, и тогда оно необходимо, или объективно...»³ Превращение суждения восприятия в суждение опыта Кант иллюстрирует следующим примером: суждение «Когда солнце нагревает камень, он становится теплым» есть суждение восприятия, не содержащее в себе необходимости. Напротив, суждение «Солнце нагревает ка-

¹ Кант И. Соч., т. 4(1), с. 96.

² Там же, с. 96.

³ Там же, с. 123.

мень» имеет в своей основе рассудочное понятие причины и тем самым необходимо связывает понятия данного суждения.

Встает вопрос о том, как согласовать положение, что суждения опыта необходимы, с положением, что опыт как апостериорное познание дает только случайные суждения. На этот вопрос Кант отвечает так: «Когда я говорю, что опыт меня чему-то научает, то я всегда понимаю только заключающееся в нем восприятие, например, что за освещением камня солнцем всякий раз следует теплота; и в этом смысле, стало быть, положение опыта всегда случайно. Что это нагревание необходимо проистекает от освещения солнцем,— это хотя и содержится в суждении опыта (в силу понятия причины), но научаются этому не из опыта, а наоборот, сам опыт возникает только благодаря тому, что к восприятию прибавляется рассудочное понятие (причины)»¹.

По иному решает Кант вопрос о необходимости синтетических суждений, лежащих в основе метафизики (философии). Согласно Канту, необходимость таких суждений принципиально недостижима. Метафизика имеет дело с чистыми понятиями разума (идеями), которые принципиально не могут быть даны в опыте, и с утверждениями, истинность или ложность которых нельзя обнаружить никаким опытом. Найти же критерий истинности или ложности в самом разуме также невозможно, так как разум в своем трансцендентном применении становится диалектичным и способным к доказательству как тезиса, так и антитезиса, и, следовательно, вопрос о необходимости соединения понятий в синтетических суждениях метафизики остается открытым.

Таким образом, следование за Кантом приводит к выводу о том, что его концепция аналитического и синтетического сопровождается допущением двух разновидностей необходимости, из которых первая носит логический, а две последующие — гносеологический характер. При этом следует отметить, что в рамках последней квалификации имеют место две отличные друг от друга необходимости в силу различных способов их обоснования. В отличие от Лейбница, Кант признает только чувственную интуицию, поэтому класс синтетических суждений имеет свое обоснование только в чувственной интуиции.

Кантовская концепция аналитического и синтетического и основанное на ней решение проблемы теоретического и эмпирического знания получили самую разноречивую оценку в более поздних логико-философских исследованиях различных школ и направлений. Особенно сильную оппозицию вызвала она у сторонников лейбницевско-фрегевской линии трактовки аналитического и синтетического. В этой связи представляется интересным рассмотреть некото-

¹ Кант И. Соч., т. 4(1), с. 123—124.

рые критические замечания Л. Кутюра, принявшего линию Лейбница — Фреге в трактовке аналитического и синтетического.

Кутюра не удовлетворяет кантовское определение аналитических и синтетических суждений посредством «двоякого рода отношений между предикатом и субъектом». Согласно Кутюра, данное определение является узким, так как оно приложимо лишь к категорическим суждениям и неприменимо к гипотетическим и дизъюнктивным.

Во-вторых, Кутюра не согласен с Кантом, что все суждения можно рассматривать как суждения субъектно-предикатной структуры, в которых имеет место отношение включения между понятиями, выражаемое связкой «есть». В то же время Кутюра выступает против психологического истолкования кантовского различия суждений Тренделенбургом, суть которого в том, что суждение синтетично, если оно формируется впервые, и аналитично, если предикат включается в состав субъекта. Согласно Кутюра, психологическое истолкование данного различия ведет к субъективному взгляду, что суждение «Все тела тяжелы» — синтетично для профана, а также для геометра, но оно — аналитично для физика, который уже не может мыслить без притяжения¹.

Анализируя примеры Канта, Кутюра приходит к выводу, что суждения являются аналитическими или синтетическими в силу чисто логического обстоятельства, а именно в зависимости от того, входят или не входят понятия, представляющие предикат, в состав определения понятия субъекта в качестве его существенного признака. Таким образом, одним из критериев аналитичности суждения, согласно Кутюра, является определение. Другой критерий аналитичности лежит в логических законах, на которые опираются аналитические суждения. По Канту, это либо закон тождества, либо закон противоречия, в чем Кутюра видит непоследовательность Канта.

Однако ни закон противоречия, ни закон тождества, полагает Кутюра, не могут в достаточной мере обосновать аналитичность суждений. Закон противоречия в кантовской формулировке утверждает, что «ни одной вещи не принадлежит предикат, противоречащий ей», следовательно, есть «всецело отрицательный закон». Поэтому он, по Кутюра, может быть основанием лишь отрицательных, а не утвердительных аналитических суждений. Последние имеют логическую форму: «АВ есть А». Но закон противоречия в вышеприведенной формулировке «запрещает приписывать субъекту «АВ» предикат «не-А» или предикат «не-В», но он совершенно не говорит нам, какой предикат мы можем или должны ему приписывать. Следовательно, утверждает Кутюра, он не может приниматься в качестве основания утвердительных аналитических суждений.

¹ Кутюра Л. Кантова философия математики.— В кн.: Философские принципы математики. СПб., 1913, с. 204.

Закон тождества также не может быть достаточным для обоснования аналитического характера суждений. Как утверждает Кутюра, закон тождества оправдывает лишь тождественные суждения, а не аналитические. Кант же, по его мнению, «довольно часто смешивает аналитические суждения с тождественными и называет их одним и тем же именем»¹. Кутюра согласен с тем, что тождественные суждения описываются формулой «А есть А». Но из формулы «А есть А» нельзя получить формулу «АВ есть А», описывающую аналитические суждения. «Поэтому, — замечает Кутюра, — современная логика и вынуждена допустить закон упрощения (АВ есть А) наряду с законом тождества и независимо от него»². Это обстоятельство, по Кутюра, опровергает точку зрения Канта на формальную логику, согласно которой логика опирается исключительно на закон тождества, из чего Кант умозаключал, что логика не способна к расширению познания, так как она дает лишь возможность переходить от одного и того же к тому же самому.

Действительно, тезис Канта об абсолютной завершенности формальной логики и неспособности ее к расширению познания в его сильной трактовке неверен, что подтверждено всем последующим ходом развития самой формальной логики. Однако, на наш взгляд, если мы хотим действительно достичь эффективной и плодотворной критики кантовской позиции, то следует прежде всего опереться на метод имманентной критики, что не всегда имеет место у Кутюра. Именно в этой связи мы считаем, что некоторые критические замечания Кутюра в адрес кантовской концепции аналитического и синтетического не достигают цели. Рассмотрим их.

Как известно, главная цель исследований Канта — логическими средствами отделить расширяющие познание суждения от поясняющих суждений. Для достижения данной цели является адекватным понятие включения (невключения) в понятие, выражающее субъект суждения, понятия, выражающего предикат суждения, так как именно состоянию включенности предиката в субъект соответствует свойство суждения «пояснять познание» и в точности также — состоянию не включенности предиката в субъект соответствует свойство «расширять познание». При этом кантовские аналитические суждения, как это можно понять из всего контекста, опираются на закон тождества или закон противоречия не в формально-синтаксическом применении, как это имеет место в современной символической логике, а в нормативно-формальном применении в качестве правила развертывания некоторого понятия в суждение.

Например, символически представим кантовское аналитическое суждение в виде «А * есть В», где «А», «В» — признаки поня-

¹ Кутюра Л. Кантова философия математики. — В кн.: Философские принципы математики. СПб., 1913, с. 204.

² Там же, с. 206.

тия, представляющего субъект суждения, а * — знак их сочленения. Тогда понятно, что его аналитичность нельзя обосновать законом тождества, требующим, чтобы выражение, стоящее слева от связки «есть», совпадало по написанию с выражением, стоящим справа от данной связки. Очевидно, что это не имеет места. Но в суждении данного вида любой из знаков «А», «В», входящих в левую часть можно итерировать вправо через связку «есть» на основании нормативного понимания закона тождества как утверждения, что всякая вещь необходимо равна самой себе. При этом связка «есть» получает два разных истолкования. Так, соотношенная с субъектом и предикатом суждения, она выражает отношение «включения предиката в субъект»; соотношенная же со знаком «В», стоящим слева от нее, и итерированным представлением этого знака, стоящим справа от нее, она выражает отношение тождества между ними. Графически это можно представить следующим образом:

А * В есть В

отношение включения

А * В есть В

отношение тождества

Можно также показать применимость закона противоречия в функции обоснования аналитического суждения. Этот закон Кант формулирует в виде утверждения, что «ни одной вещи не принадлежит предикат, противоречащий ей». Этим самым он хочет сказать, что если перенести вправо от «есть» любую конституэнту левого выражения со знаком отрицания, то получится ложное суждение, так как нарушится закон тождества, утверждающий, что «всякая вещь необходимо равна самой себе». Следовательно, обращение Канта к закону противоречия для обоснования аналитического суждения есть не что иное, как иносказательная форма обращения к закону тождества. Принимая во внимание сказанное, следует считать, что приведенная выше критика Кутюра кантовского обоснования аналитического суждения не достигает своей цели.

Далее. Кант опирается в своем анализе на традиционную логику, в которой выделяются в качестве суждений лишь субъектно-предикатные формы простых предложений. Поэтому с позиций традиционной логики предложения формы $p \vee q$ вполне естественно рассматривать не как одно суждение, а как два отдельных суждения, объединенных внешним (нелогическим) способом. Видимо поэтому Кант не поднимает вопроса об аналитическом или синтетическом характере сложного высказывания. Поэтому когда говорят, что кантовское определение аналитического суждения узко, то это утверждение имеет смысл лишь относительно сложных высказываний современной формальной логики.

В то же время Кутюра правильно ставит вопрос о выяснении роли определений в различении аналитических и синтетических суждений. Для решения этого вопроса он обращается к анализу приро-

ды и формы определений. По Кутюра, определение есть логическое равенство, одна часть которого есть определяемый знак, а другая уже представлена известными знаками. Благодаря этому, определяемому знаку приписывается значение определяющих знаков. Из этого следует, что определяемое можно рассматривать как сокращение определяющего на основании принятого соглашения и что оно не является источником истины.

На наш взгляд, с такой характеристикой определения можно вполне согласиться. Однако окончательный вывод Кутюра о том, что природа и форма определения не обуславливает аналитический или синтетический характер суждений, по меньшей мере требует уточнения. Например, чтобы установить, является ли суждение «Все тела протяженны» аналитическим или синтетическим, следует воспользоваться определением термина «тело». Но в данной ситуации не ясно, сокращением какой совокупности терминов является данный термин. Иными словами говоря, мы оказываемся перед принципиальной альтернативой: либо согласиться, что он сокращает совокупность терминов, среди которых имеется термин, тождественный предикату данного суждения, либо согласиться, что он сокращает термины, среди которых нет такого термина. В первом случае данное суждение следует квалифицировать как аналитическое, во втором — как синтетическое. Таким образом, в решении вопроса об аналитичности или синтетичности вышеприведенного суждения мы апеллируем к природе и форме определения и, следовательно, без соответствующего уточнения правомерно оспаривать вывод Кутюра.

В то же время несомненной заслугой Кутюра и его вкладом в дальнейшую разработку проблемы аналитического и синтетического является то, что он с позиций современной логики расширяет круг логических законов, обосновывающих аналитическое суждение, и анализирует определение применительно к решению данной проблемы.